

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Мазохизм и отказ от женского

Т.В. Айсина

Айсина Тамара Викторовна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Данная статья посвящена психоаналитическому взгляду на мазохизм, в том числе на мазохизм женский, представляющий собой часть женской сексуальности, а также отказу от женского.

Для всестороннего освящения вопроса были исследованы психоаналитические теории и концепции, посвященные теме мазохизма и женскому психосексуальному развитию, изучены основные гипотезы отказа от женского, обозначены направления дальнейшей проработки психоаналитических теорий мазохизма и отказа от женского.

Данные тематики не только составляют важную часть всего психоаналитического взгляда на личность, но и имеют исключительную важность для психоаналитического понимания современного человека. Следовательно, исследования, посвященные этой проблематике, способны принести пользу как в контексте научной психологии, так и для непосредственной психоаналитической или психотерапевтической практики.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитический, мазохизм, женский, женская сексуальность, отказ от женского, психосексуальное развитие.

Развитие концепции мазохизма и женского в психоаналитической теории

Понятие мазохизма. История терминологии

Термин «мазохизм» впервые был введен психиатром и неврологом Рихардом фон Крафт-Эбингом в работе 1886 года «Половая психопатия» (Крафт-Эбинг, 2017). Термин был образован от имени австрийского писателя Леопольда Захер-Мазоха, романы которого изобилуют сценами мазохистического характера. В произведении Захер-Мазоха «Венера

в мехах» женщина занимает садистическую позицию, а мазохистом выступает мужчина (Захер-Мазох, 2011).

Рихард фон Крафт-Эбинг, напротив, не приписывал это чувство подчиненности исключительно женщинам, отмечая, что оно существует как у мужчин, так и у женщин, но у женщин гораздо сильнее выражено из-за их пассивной роли в деле продолжения рода, а также социальных условий. При этом автор допускал наличие такой подчиненности у мужчин с определенным психотипом, приближенным к женскому.

Мазохизм как извращение психической половой жизни психиатр определял как «направленность полового влечения на представления, имеющие своим содержанием подчинение лицу другого пола, и на то, чтобы испытать его насильственные действия по отношению к себе» (Крафт-Эбинг, 2017, с. 139). Степень, в которой мазохизм подчиняет себе жизнь личности, и желание человека, страдающего данным «извращением», реализовать свои фантазии, зависит от этических рамок, физической и психической организации больного, а также от степени развития инстинкта самосохранения.

Рихард фон Крафт-Эбинг выделял несколько видов мазохизма:

1) Символический мазохизм.

Подчинение имеет символическое значение и служит средством удовлетворения потребностей. Этот символизм отличает его от так называемого пассивного бичевания (флагелляции). Данным различием автор подчеркивает психическую составляющую мазохизма.

2) Мысленный мазохизм.

От символического мазохизма отличает то, что психическая девиация не выходит за пределы представлений и фантазий и не претворяется в жизнь в реальности.

Как мы можем видеть, Рихард фон Крафт-Эбинг и Захер-Мазох уже признавали роль конфликта и символизма в мазохизме, прекрасно подготовив почву для дальнейшего исследования этого явления в психоаналитической теории, в первую очередь З. Фрейдом.

Мазохизм в психоаналитической концепции Фрейда

В своих поздних работах Фрейд часто возвращался к исследованию проблемы мазохизма, которую называл «загадочной» или «непонятной». Можно проследить несколько этапов развития фрейдовской теории.

В работах «Три очерка по теории сексуальности» (1905) Фрейд говорил о садизме и мазохизме как о самых распространенных перверсиях и определял их как склонность причинять боль сексуальному объекту и быть мучимым (Фрейд, 2010). Он отмечал, что мазохизм часто представляет собой продолжение садизма, но направленного на самого себя. Собственная личность в данном случае замещает сексуальный объект. Фрейд отмечал, что мазохист всегда одновременно и садист. На данном этапе он исключал возможность первичного мазохизма. Фрейд подчеркивал родство пассивности и женского поведения с мазохистским поведением по отношению к сексуальному объекту. Говоря об этиологии перверсии, Фрейд

признавал наличие двух факторов: предрасполагающих (*dispositional*) и окончательных (*definitif*). В первом случае речь шла о влиянии конституции и случайных переживаниях детства, а во втором – предрасположении и травматическом переживании.

В 1919 г. в работе «Ребенка бьют» Фрейд опять провел параллель между садизмом и мазохизмом (Фрейд, 2018). Фактически эти фантазии воплощают вытесненное желание быть любимым, избранным отцом, но в результате регрессивного движения оно превратилось в желание быть им избитым. Если мальчик в воображении меняет пол избивающего родителя – его наказывает мать, то девочка меняет свой собственный пол – избивают маленького мальчика, а она наблюдает. За этим стремлением к наказанию стоит чувство вины за инцестуозные желания и возможность освобождения от него в какой-то степени. Следовательно, Фрейд здесь описывал мазохизм как форму проявления Эдипова комплекса.

В начале своей деятельности Фрейд строил теорию развития личности, указывая на первичность инстинктивных процессов. В его первой теории влечения рождаются на границе между соматическим и психическим. Влечение – это некий психический ответ на соматическое возбуждение. Именно это влечение человека становится материалом для дальнейшего развития психики, движущей силой.

Дети и соответственно инфантильные аспекты «Я» взрослых находятся в постоянном поиске инстинктивного удовлетворения. Чрезмерное удовлетворение либо чрезмерная фрустрация на какой-либо стадии психосексуального развития вызывают «фиксацию» на проблемах данной фазы.

В соответствии с теорией Фрейда (1923) течение всех психических процессов регулируется принципом удовольствия (*Lustprinzip*), возбуждаясь от напряжения, связанного с неудовольствием, и далее направляя свое действие на уменьшение этого напряжения, т.е. на устранение неудовольствия (*Unlust*) или получение удовольствия (*Lust*) (Фрейд, 2015). Психический аппарат управляется принципом удовольствия, поскольку последний постоянно стремится установить количество имеющегося возбуждения на минимально низком уровне, и все, что способствует увеличению уровня напряжения, нарушает нормальное функционирование организма и вызывает неудовольствие. Принципу удовольствия противостоят различные силы и условия, в том числе и стремление организма к самосохранению. В связи с этим принцип удовольствия сменяется принципом реальности, который все так же имеет своей целью достижение удовольствия, но откладывает или делает сложным путь к удовлетворению и получению удовольствия.

Но возбуждение у Фрейда исходит как из внешнего мира, так и изнутри субъекта – оно ощущается как неприятное напряжение, которое субъект еще должен научиться снимать.

Таким образом, есть огромное количество влечений Я, вытекающих изнутри, и объектных влечений, создающих некоторый хаос из часто не согласованных или противоречащих друг другу желаний. И Я приходится часть из них выбирать, вытесняя другие. Но вытесненные все равно возвращаются и стремятся быть выраженными. Влечения в результате все

равно удовлетворяются тем или иным способом. Так удовольствие становится конечной целью и окончанием всего, что живет в существе, заставляя каждое неудовлетворенное влечение удовлетворяться.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920) Фрейд говорил о том, что восприятие внешних раздражений, а также ощущение удовольствия и неудовольствия, исходящих из глубин психического аппарата, дает сознание, которое находится на стыке внешнего и внутреннего, получая раздражение как извне, так и изнутри, т.е. оно открыто к внешнему миру и «облекает другие психические системы» (Фрейд, 2015, с. 32). Кроме того, все процессы раздражения, в том числе и удовольствие, оставляют длительные следы как основу памяти – остатки воспоминаний, никак не связанные с сознанием. Задачей психического аппарата становится овладеть раздражениями, психически связать их, что требует большой зарядной энергии из запасов всей психической системы. Фрейд достаточно подробно описал детскую игру, в ходе которой ребенок повторяет и воспроизводит как приятные, так и неприятные переживания для активного овладения сильными впечатлениями. Повторное переживание само по себе доставляет наслаждение.

Согласно Фрейду, у любого живого существа есть тяга к восстановлению какого-то прежнего, исходного состояния, которое когда-то было покинуто, – периода чистого наслаждения. Чистое удовольствие от немедленного удовлетворения потребностей ребенка – богатый ресурс, который скапливается внутри Я.

Здесь же Фрейд ввел понятие «влечение к смерти». Если вспомнить, что все живое когда-нибудь умирает, то получается, что целью жизни является смерть. Фрейд задался вопросом: что в этом случае делать с сексуальными первичными позывами? Ведь сексуальные позывы призваны сохранять жизнь, удлинять ее. Таким образом, мы видим противостояние первичных сексуальных позывов, которые стремятся к жизни, и других первичных позывов «Я», стремящихся к смерти. Кроме того, Фрейд назвал «Я» резервуаром либидо, откуда он исходит на объект. Фрейд допустил, что либидинозные инстинкты «Я» соединены с другими еще не знакомыми инстинктами «Я».

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» из изложенной выше теории противоположности первичных позывов к жизни и первичных позывов к смерти Фрейд провел параллель с объектной любовью, которая также основывается на двух противоположных полярностях – любви (нежности) и ненависти (агрессии). Фрейд говорил о том, что он всегда признавал в сексуальном инстинкте компонент садизма: «Не следует ли предположить, что этот садизм, в сущности, является инстинктом смерти, который, будучи оттеснен от "Я" влиянием либидо нарциссического характера, может проявиться только на объекте? Он тогда переходит в сексуальную функцию» (Фрейд, 2015, с. 76) – от стремления к уничтожению объекта на оральной стадии до овладения сексуальным объектом. Именно здесь Фрейд нас подводит к мазохизму как к садизму, обращенному на собственное «Я». Но тогда получается, что мазохизм – это возврат к одной из ранних фаз, т.е. мазохизм мог быть первичным.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия», а позднее в «Я и Оно» (1923) за нововведенной инстанцией Сверх-Я Фрейд закрепил функцию интернализации агрессивности через идентификацию и дальнейшее обращения ее на Я.

И наконец, в «Экономической проблеме мазохизма» (1924) он пересмотрел свою концепцию мазохизма. Здесь Фрейд постулировал наличие трех принципов, которые заложены в основу психического функционирования: принцип нирваны, который направлен на сведение возбуждения к нулю; принцип удовольствия, связующий влечение к жизни и влечение к смерти; принцип реальности, формирующийся под влиянием внешнего мира и препятствующий немедленному получению удовольствия (Фрейд, 2018). Эти принципы иногда вступают в конфликт между собой, им приходится приспособляться друг к другу: принципу удовольствия приходится примириться с частичным слиянием влечения к жизни и влечения к смерти.

Далее Фрейд выделил три формы мазохизма: эрогенный, женский и моральный. Эрогенный – удовольствие от боли – лежит в основе двух других форм и обусловлен конституцией. Еще в «Трех очерках по теории сексуальности» он отмечал, что возбуждение возникает в нескольких внутренних процессах, и когда оно достигает какого-то определенного высокого порога, то вызывает боль и неудовольствие (Фрейд, 2010). Фрейд предположил тогда, что все важные процессы в организме происходят с возбуждением сексуального влечения. Приняв уже во внимание свою теорию влечения к жизни и смерти, Фрейд выдвинул предположение, что именно либидо обезвреживает присутствующее изначально в организме влечение к смерти, препятствует возвращению живого в неорганическое. Для того чтобы сделать акцент на этом процессе эротизации влечения к смерти и указать на его первичный характер, Фрейд назвал его эрогенным или первичным мазохизмом.

Интересными представляются способы, которыми либидо обезвреживает влечение к смерти: 1) с помощью мускулатуры отводит его вовне, на внешние объекты, и тогда оно выражается как жажда власти, разрушения и овладения. Это же влечение обслуживает и сексуальную функцию в форме садизма; 2) часть влечения к смерти остается в организме и обезвреживается там: либидинозно связывается при помощи сексуального со-возбуждения – это и есть первоначальный, эрогенный мазохизм. С точки зрения Фрейда, эти влечения смешаны в разных пропорциях и никогда не встречаются в чистом виде. Таким образом, Фрейд пришел к выводу, что влечение к смерти – это и есть первосадизм, и он тождествен мазохизму.

Далее Фрейд продолжил исследовать судьбу влечения к смерти – садизма, направленного на внешний мир. И отметил, что иногда он может быть вновь направлен вовнутрь, интроецирован. Именно таким образом возникает вторичный мазохизм, который добавляется к первичному.

Вторая форма мазохизма, выделяемая Фрейдом, – женский мазохизм, характерен именно для мужчин, несмотря на его название. По мнению Фрейда, здесь речь идет о перверсиях, в которых преобладают фантазии о жестоком обращении с субъектом (желании быть выпоротым, связанным,

униженным). Эти фантазии находят свое выражение либо в форме мастурбации, либо сами по себе доставляют сексуальное удовлетворение. Они могут быть самоцелью, и в их основе лежит желание мазохиста почувствовать себя маленьким, беспомощным ребенком, которого наказывают за его поведение. В подобных случаях перверсии объект оказывается в ситуации, характерной для женственности – превращается в объект совокупления, в объект, рождающий ребенка. Данный вид мазохизма непосредственно связан с чувством вины: субъект обвиняет себя в совершении ошибки или преступления, которое он должен искупить мукой и болью – бессознательное чувство вины за детскую мастурбацию. Это бессознательное чувство вины сближает женский мазохизм с третьей формой мазохизма – моральным.

«Моральный мазохизм отличается от двух других прежде всего тем, что "он ослабил свою связь с тем, что мы признаем за сексуальность"» (Фрейд, 2018, с. 4). Здесь мазохисту важно само страдание и потребность в наказании, независимо от кого или от чего оно исходит. Он не осознает сексуального удовлетворения, которое получает от своих страданий и боли.

Еще в работе «Я и Оно» Фрейд обозначил, что функцию совести выполняет Сверх-Я, а вина возникает в результате конфликта между Я и Сверх-Я, когда Я не соответствует требованиям, предъявляемым его идеалом, Сверх-Я (Фрейд, 2018). Фрейд различал бессознательное продолжение морали и моральный мазохизм. Он говорил о том, что в первом случае мы имеем дело с повышенным садизмом Сверх-Я, которому приходится подчиниться Я, а во втором – с собственным мазохизмом Я, жаждущим наказания от Сверх-Я или от родительской пары, причем мазохистская тенденция Я абсолютно не осознается субъектом. Бессознательное чувство вины как потребность получить наказание от родителя в фантазиях регрессивно искажается и превращается в фантазию вступить в пассивную сексуальную связь с родителем (отцом). Таким образом, через моральный мазохизм десексуализированный Эдипов комплекс, благодаря которому возникли совесть и мораль, вновь сексуализируется и прокладывает путь обратно от морали к Эдипову комплексу. Отказ от влечений, которые навязываются извне, создает нравственность и, соответственно, совесть и требует дальнейшего отказа от влечений – чем сильнее индивид сдерживает свою агрессию и не выражает ее в отношении других, тем больше возрастает его агрессия против собственного Я.

Таким образом, моральный мазохизм предстает продуктом смешения влечений. Он берет свое начало от влечения смерти, но имеет в себе при этом эротический компонент, и поэтому, если не обращен во вне и направлен на Я, то даже саморазрушение личности сопровождается либидинозным удовлетворением.

Развитие теории мазохизма со времен Фрейда

Идеи Фрейда нашли дальнейшее развитие и переосмысление в работах многих психоаналитиков, которые либо разделяли и развивали концепцию влечения к смерти, либо полностью ее отвергали.

Среди авторов, не разделяющих теорию влечений Фрейда, прежде всего стоит упомянуть Сашу Нахт. В своей работе «Мазохизм» («La masochisme») Нахт противопоставлял теории Фрейда концепцию, согласно которой сущность мазохизма – возвратное обращение агрессии субъекта на самого себя, инверсия, возникающая из страха подвергнуться нападению или оказаться покинутым объектом (Nacht, 1965). Догенитальной регрессией объяснялось удовольствие, получаемое мазохистом. Гомосексуальная фиксация на отце называлась причиной и основанием первертности морального мазохиста (мужчины).

Нахт ввел термин «органический мазохизм» (Nacht, 1965, с.18). Этим термином он обозначил подлинное и пронизывающее человека аффективное состояние, достигаемое им исключительно только через страдание. Этот тип характера возникает не как наследие Эдипова комплекса, а гораздо раньше – большое количество фрустраций на очень ранней стадии развития способствует созданию аутоагрессивной организации. Агрессия, по мнению Нахта, – следствие страха, агрессивной внешней среды и фрустрации. Мазохизм в данном случае – неудачная попытка защититься.

Огромный вклад внес также Эдмунд Берглер, по мнению которого ядром любого невроза является ущерб, который садистическое Супер-Эго причиняет Я (Bergler, 1992). «Псевдомазохистское» решение как следствие доэдиповой нарциссической обиды лежит в основе модели Берглера. Обида возникает в результате конфликта между чувством всемогущества младенца и его зависимостью от матери, между могущественным инфантильным желанием и фрустрациями. Приступ неконтролируемой ярости, возникающий у младенца, – агрессия, которая не находит выражения из-за недостаточной координации и слабо развитой моторики, сначала проецируется вовне и направляется на Плохую Мать, но впоследствии она возвращается и бьет по Я, т.к. становится частью садистического Сверх-Я, изнутри атакующим Я. Вся эта динамика завершается либидинизацией боли, причиненной Супер-Эго – обращение боли в удовольствие (психический мазохизм) делает переносимой эту боль. Такие пациенты будут представлять себя как невинных жертв, ищущих поддержки, но в действительности они сами бессознательно создают проигрышную для себя ситуацию, от которой они бессознательно получают удовольствие (Калшед, 2007, с. 45).

Были и те, кто, признавая фрейдовскую концепцию влечения к смерти в целом, пытались доказать ее неприемлемость для объяснения мазохизма. В их числе был Рудольф Левенштейн, который отстаивал мнение, что мазохизм не является постоянным свойством личности (Loewenstein, 1995). Корень мазохизма, по его мнению, – игра со страхом, цель которой одолеть агрессора либо с помощью соблазнения первертным способом (эротическое соучастие), либо вызвав у него чувство вины, либо продемонстрировав свою обиду или враждебность, а также, наконец, идентифицировав себя с ним на уровне Сверх-Я (порабощение), и эротизировав придуманное им наказание. В соответствии с выводом Левенштейна, мазохизм – это «вариант приспособления в борьбе влечений против двух

грозящих опасностей, а именно: угрозы либидинозной фрустрации и угрозы для жизни» (Loewenstein, 1995, с.56).

Проблема мазохизма стала камнем преткновения и причиной противостояния Фрейда с Вильгельмом Райхом в 1932 году. Клинический опыт Райха опровергал гипотезу Фрейда, что мазохист ищет боли и получает удовольствие от страданий. Райх постулировал, что мазохист, как и любой другой человек, стремится к разрядке, но боится оргазма и связанного с ним исчезновения границ Я. Мазохист позволяет сексуальному возбуждению возрасти максимально, но поскольку у мазохиста очень сильное чувство вины, он провоцирует возбуждение с применением реальной или воображаемой внешней силы, чтобы все же достичь разрядки, не испытывая при этом чувства вины, будто переложив ответственность на внешний объект или фактор. В работе «Мазохистский характер» Райх писал о мазохизме как о следствии страха удовольствия и/или оргазмической разрядки, а страдания и терпения – как следствие потери органической способности к получению удовольствия (Райх, 1999).

Как можно видеть из вышеописанного, все теории, отвергающие фрейдовскую концепцию, в основном основывались на признании ведущей роли внешних объектов или факторов для объяснения мазохизма как явления. В любом случае, все вышеобозначенные концепции послужили благодатной почвой для дальнейшего развития психоаналитической мысли, направленной на «загадочный» мазохизм.

Новый взгляд на «загадочную» проблему – мазохизм в современной психоаналитической теории

Мазохизм смерти и мазохизм жизни

С момента обнародования второй теории влечений Фрейда в теории психоанализа начали происходить очень важные изменения. Теория вызвала массу споров и разногласий: влечение к смерти одновременно входит в определение мазохизма, при этом мазохизм и есть воплощение влечения к смерти.

Бенно Розенберг в своей работе «Мазохизм смерти и мазохизм жизни» исследовал данный вопрос, углубляясь и по-новому раскрывая теорию Фрейда, оставаясь при этом ей верным (Розенберг, 2018).

Розенберг начинает свою работу с исследования морального мазохизма. По мнению Фрейда, и Розенберг здесь с ним соглашается, патологическая форма морального мазохизма в терапевтическом процессе обнаруживает себя в негативной терапевтической реакции, которую характеризует «потребность быть больным» (Фрейд, 2015, с. 142). В основе этой потребности лежит чувство вины, которое выражается через заболевание, воспринимающееся как наказание посредством страданий. Пациент при этом чувства вины не ощущает, его перекрывает болезнь – он чувствует себя больным (Фрейд, 2015).

Но Розенберг полагает, что при чувстве вины речь идет о Сверх-Я, наследнике Эдипова комплекса, полученного вследствие интроекции – идентификации Эдиповых объектных отношений, после их десекуализации. При моральном мазохизме мы имеем дело с обратным процессом – ресексуализацией этих отношений и возвратом от уже сформированного Сверх-Я к фигуре отца. Этот возврат не заметен и будто бы не имеет объекта – важным является не то, от кого исходят страдания, а важно само страдание.

Таким образом, за чувством вины скрывается сексуализированное желание наказания от эдипального отца. В этом случае сохраняется видимость невроза за счет видимости чувства вины: Розенберг называет это притворством или хитростью морального мазохизма. Чувство вины становится переносимым, благодаря эротизации, которая превращает его в источник мазохистического удовольствия (Розенберг, 2018). В этом контексте речь идет о мазохизме как о «хранителе невроза». По мнению Розенберга, если ресексуализация чувства вины перестает быть скрытой и становится для субъекта очевидной, то моральный мазохизм превращается в либидинальный («женский»), а при дальнейшей регрессии – в эрогенный мазохизм.

В своей работе «Мазохизм смерти и мазохизм жизни» Бенно Розенберг вводит понятие «аутосадизм» (Розенберг, 2018, с. 57) для обозначения той фазы, в которой садизм оборачивается на самого себя, на самого субъекта. На этой фазе пока нет объекта, поэтому говорить о мазохизме пока рано. Аутосадизм – это самонаказание и чувство вины как наказание со стороны собственного Сверх-Я самого субъекта, в то время как мазохизм – наказание, исходящее от эдипального отца. Отсюда Розенберг делает важный вывод: интроецированный садизм не всегда или не сразу превращается в мазохизм, а аутосадизм становится своеобразной отправной точкой возникновения вины.

Бенно Розенберг достаточно глубоко исследует парадокс мазохизма – противоречие: мазохизм – удовольствие от боли, удовольствие от страдания и удовольствие от неудовольствия. Фрейд в начале своего пути столкнулся с этим противоречием и в результате признал, что здесь именно первичный мазохизм превращает удовольствие в удовольствие–неудовольствие, т.е. сформированное мазохистическое ядро делает переносимым возбуждение, инвестируя и связывая его. Но, как известно, возбуждение – это условие жизни, без него наступает смерть, поэтому мазохистическое ядро является хранителем жизни. Говоря иначе, мазохизм – это первичное сплетение влечений. Он противостоит влечению к смерти (принцип нирваны), преследующему своей целью сведение всякого возбуждения к нулю и возвращению живого в неорганическое, неживое.

По мнению Розенберга, мазохизм также выполняет важнейшую роль в психической жизни: постоянство мазохистического ядра в Я обеспечивает психическую временную непрерывность, постоянно поддерживая возбуждение и строя препоны сиюминутной разрядке, таким образом он препятствует разрыву психической жизни. Мазохистическое ядро делает

возможным галлюцинаторное удовлетворение желания и фантазматическую жизнь субъекта.

Розенберг в своей работе подчеркнул роль мазохизма в формировании объекта посредством проекции, а соответственно и роль мазохизма в объектных отношениях в целом, ссылаясь на клинические случаи, в которых у садомазохистического инвестирования объекта есть цель обнаружить и удостовериться присутствии объекта.

Но что произойдет, если мазохизм начнет развиваться слишком активно? На этот вопрос Розенберг отвечает односложно: мы будем иметь дело со смертоносным мазохизмом или мазохизмом смерти. Если мазохизм применяется не столько для того, чтобы сделать возбуждение переносимым, сколько чтобы найти удовольствие исключительно в переживаниях возбуждения, и инвестировать это возбуждение, то необходимость в разрядке как объектном удовольствии отпадает и далее становится невозможной. Отказ от объектного удовлетворения означает отказ от объекта в целом, а без объекта существование психической жизни становится невозможным. Такое положение Розенберг называет мазохистическим аутизмом, который ведет к дезактивации влечения к жизни и может быть даже к смерти субъекта. Мазохистическое сверхинвестирование, разрывая любую связь с объектом, также делает ненужной проекцию, т.е. пропорции здесь имеют решающее значение – именно от них зависит вероятность превращения мазохизма жизни в мазохизм смерти.

Розенберг делает предположение, что при особо интенсивном возбуждении, когда мазохистическое ядро Я и вместе с ним и Я в целом оказывается в опасности, и появляется опасность разъединения влечений, чтобы препятствовать распаду мазохистического ядра Я изымает объектное либидо из садизма и интроецирует его, чтобы как-то укрепить мазохистическое ядро и обеспечить связывание влечения к смерти: «Однако это отвод-интроекция объектного либидо освобождает из-за их разъединения разрушительные влечения, которые угрожают Я; оно реагирует тогда новой интроекцией объектного либидо и т.д.» (Розенберг, 2018, С.118). В данном случае участвующий в этом вторичный мазохизм становится смертоносным.

Эволюция мазохизма на разных этапах психосексуального развития личности

Целесообразно остановиться на определении термина «мазохизм», до того как мы проследим за эволюционной линией мазохизма.

Некоторые психоаналитики, например Гроссман, изучающий историю понятия, пришел к выводу, что термин использовался ограниченно (Grossman, 1986). Франклин Мэйлсон отнес это понятие ко всякому поведению, фантазиям, мыслям, симптомам и синдромам, характеризующим переживаемой болью и страданием, которые можно расценить как излишние, чрезмерные или спровоцированные (Maleson, 1984). Но данное определение носит очень неоднозначный характер, т.к. понятие чрезмерности

субъективное. Более полное определение можно найти у Керри Келли Новик и Джэк Новик в работе «Сущность мазохизма»: «Мазохизм является активным стремлением к психической или физической боли, страданию или унижению, что служит адаптации, защите и инстинктивному удовлетворению на оральном, анальном и фаллическом уровнях» (*Novick et al.*, 1987, с. 353). По мнению К.К. Новик и Д. Новик, поведение, направленное на поиск боли, начинается с младенчества и терпит изменения на каждой последующей фазе.

Один из вопросов, вызывающих огромное количество споров, – вопрос о происхождении мазохизма на доэдипальной или эдипальной стадии. Результаты исследований, проведенных К.К. Новик и Д. Новик, показали, что организованные фантазии об избиении сформировались в постэдипальном периоде, но доэдиповы детерминанты мазохистского поведения фактически брали начало из нарушений на самых ранних месяцах жизни детей. Во всех случаях с фиксированной фантазией об избиении можно было наблюдать нарушения в диаде мать и дитя, а именно отсутствие взаимного удовольствия между матерью и младенцем. В норме стимуляция младенцев происходит через разные каналы: контакт глазами, улыбка, речь – но при нарушении взаимоотношений между матерью и ребенком возможные каналы часто могут свестись к кожному каналу, т.к. он требует наименьшей степени эмоциональной близости. Ребенок постепенно переходит в режим саморегуляции, все меньше сигнализируя о своих нуждах матери, не способной контейнировать беспомощность или гнев ребенка. По мнению К.К. Новик и Д. Новик, часто младенец обращается именно к боли как к инструменту для адаптации к патологической ситуации и замене изъятого матерью катексиса. В результате для таких детей безопасным становится объект, причиняющий боль, а не доставляющий удовольствие. Длительные периоды неудовлетворенности, переживаемые во младенчестве, могут нарушать стадию, названную Винникоттом стадией всемогущества (Винникотт, 2005). Слишком скоро осознав свою зависимость от матери, он прибегает к способу адаптации, которую Левенштейн называет «протомазохистский маневр соблазнения агрессора» (*Loewenstein*, 1957, с. 197–234). Таким образом, привязанность индивидов к боли, по сути, представляет собой привязанность к объектам, причиняющим боль. Мазохизм здесь становится попыткой защититься от деструктивных желаний, направленных против матери. Через механизмы отрицания, смещения и интернализацию происходит поворот агрессии в адрес собственного тела. Интересно, что через смещение агрессии в мазохистских фантазиях присутствует обычно не мать, а отец или замещающая отца фигура. Как отмечает Новик, у детей с фантазиями об избиении есть сложности с интеграцией тела и Я. Они ощущают свои тела как собственность их матерей, поэтому от доэдиповой агрессии по отношению к матери защищались с помощью атак на собственное тело. Чувство вины за желание отделиться от матери позже могло трансформироваться в фантазию об избиении как наказании за это желание.

Таким образом, мазохизм, к которому прибегает ребенок на доэдиповой стадии, используется для выживания и адаптации (мазохистское поведение пока не доставляет сексуального удовольствия). Как следствие, эти дети вступают на фаллически-эдипальную стадию уже с имеющейся патологией. Этот период является критическим для сексуализации мазохизма.

Детские теории о родительском сексе как о садистическом половом акте универсальны, но у нормального ребенка они существуют наряду с другими теориями. У детей с патологическим развитием теория садистского полового акта является единственно безопасной, менее пугающей, чем идеи о неконтролируемых событиях, кастрации и т.д. К этому добавляется и нормальная эдипальная исключенность, переживания, связанные с ней, и гнев. Ситуация осложняется, если отец отсутствует или оказывается неподходящим для того, чтобы стать сильным, защищающим объектом для идентификации, Супер-Эго остается внутренне неструктурированным.

По наблюдениям К.К. Новик и Д. Новик в латентном периоде при нормальном развитии у девочек часто появляется переходная фантазия об избиении, что является нормальным компонентом послеэдипова развития, позже она исчезает. Дети же с фиксированной фантазией об избиении, из-за неразвитого Эго, отыгрывают доэдиповы и Эдиповы садомазохистические импульсы или страдают от тяжелой навязчивой симптоматологии.

Как следствие, в период половой зрелости и подростковый период у девочек с развитым в латентном периоде функциями Эго и Супер-Эго (контроль тревоги, защита от прямой разрядки влечений) переходная фантазия об избиении дистанцируется от пугающих Эдиповых желаний. Фиксированная же фантазия либо ограничивалась этим желанием, либо перерастала в более пугающие фантазии о суициде или самоувечьях. В фантазиях детей избивающий представлял собой сильного, желанного отца или его заместителя, который ограничивал бы исполнение всемогущих, деструктивных и запретных либидинальных желаний, т.е. эти фантазии об избиении исполняли роль Супер-Эго, которое так и не развилось.

Мазохизм и его встроенность в женское психосексуальное развитие

Описывая развитие психосексуальности, Фрейд использует три понятия: активность/пассивность анальной организации, универсальный пенис / кастрированный пенис фаллической организации, и пару мужское/женское, начиная с пубертата, на генитальной стадии. С момента противопоставления мужского/женского поднимается крайне сложный вопрос: женское представляет проблему как для мужского, так и для женского пола. Для мужчин – это образ кастрированного пениса и страх, связанный с ним. Но это еще и открытость тела женщины, ее возможность принять большое количество либидинальных импульсов и получать сексуальное наслаждение – это уже внушает страх как мужчинам, так и женщинам.

В этой связи вспоминается метафора Моник Курню-Жанэн женского тела как шкатулки, с богатым содержанием (испражнениями, пенисом, кровью, ребенком) (Курню-Жанэн, 2017). Ключ от замочка (замочек – девственная плева) принадлежит отцу, а мать – хранительница.

Я сознательно разграничиваю понятие «женское» и «женственность». На мой взгляд, женственность – всего лишь составляющее женского. Здесь я совершенно согласна с Моник Курню-Жанэн, которая предлагает обозначить женственностью все то, что создает женский образ со всей внешней женской атрибутикой (косметикой, украшениями и т.д.) – тем, что делает ее привлекательной, но одновременно отвлекает от генитальных органов, провоцирующих страх кастрации у мальчика. Женственность «как бессознательная организация приманки» (Курню-Жанэн, 2017, с. 110), составная часть игры психосексуальности: «Объект желанья и одновременно объект запрета всегда находятся "в теле другого"» (Курню-Жанэн, 2017, с. 110).

Со времен Фрейда, считавшего, что девочка – это кастрированный мальчик, и до сегодняшнего дня «другим полом» всегда называется женский. Говоря о женском, я говорю о «женском эротическом», манящем и пугающем, откуда и начинается разница полов. Другой пол – женский, потому что фаллически он общий. Речь идет именно о фаллическом, а не мужском, ведь фаллическая организация нужна была, чтобы отрицать разницу полов, как женского, так и мужского. Фрейд исходил в своем определении женского, отталкиваясь от мужского, от наличия пениса, в то время как женское до сих пор отмечено нехваткой: нехваткой пениса, нехваткой матери в качестве эротического объекта, нехваткой либидо. Плюс еще и слабо развитое Сверх-Я и способность к сублимации.

Женское – это то, что так пугает мужчин при его обнаружении у себя, но это и то, что необходимо для того, чтобы мужчина был способен раскрыть женщину. Женское – это психический и эротический мазохизм, который раскрывает и делает возможным сексуальное наслаждение, обретение любви и выстраивание взаимоотношений с объектом. Но женское не может существовать без мужского, а мужское без женского – они противоположны друг другу, но при этом не могут быть отделены и служат дополнением друг для друга, расцветая в зрелой сексуальности. По словам Джойс МакДугалл, пенис и вагина являются комплементарными. Без вагины пенис превращается в орудие разрушения и насилия, а вагина без пениса становится пожирающей черной дырой (McDougall, 1995).

Страх кастрации и зависть к пенису

Женское развитие, по мнению Фрейда, начинается в момент обнаружения девочкой половых различий. Критической точкой в развитии будущей женщины является понимание своей «кастрированности», отсутствия пениса вкупе со стремлением обладать таковым. До этого момента девочка, так же как и мальчик, знает только о наличии у себя лишь одного типа гениталий – пениса («фаллический монизм»). То, как девочка пройдет эту критическую точку своего созревания, будет во многом

определять ее дальнейшее развитие. Так, З. Фрейд выделял три основных возможных варианта развития на этом этапе:

- 1) Изменение характера в сторону комплекса мужественности;
- 2) Развитие нормальной, «здоровой» женственности;
- 3) Подавление сексуальных желаний, их вытеснение в Ид, и как следствие, появление неврозов.

По мнению Фрейда, позитивный Эдипов комплекс у девочек может развиваться опять же только вследствие зависти к пенису: посыл к отцу можно выразить следующим образом: «Если я не могу иметь пенис, как у тебя, то я хочу хотя бы иметь ребенка от тебя». Желание иметь ребенка от отца, которое может развиваться у девочки в рамках Эдипа, считается способом подменить зависть к пенису чем-то потенциально выполнимым. В такой ситуации девочка не идентифицирует себя с родителем противоположного пола, не пытается копировать его поведение, взять на себя его функции и не считает его соперником. Психоаналитическая теория отводит девочкам достаточно небольшие шансы на развитие позитивного Эдипова комплекса.

Интересен взгляд Моник Курню-Жанэн на роль матери. Она утверждает, что у матери, формирование психической жизни которой произошло через свой собственный Эдипов конфликт, Эдипово чувство вины пробуждается в результате психической близости между реальным ребенком и ребенком Эдипова желания. Будучи маленькой девочкой, мать принимала и инкорпорировала в себя то, что ею было инвестировано, в том числе и пенис отца, который и дальше присутствует в ее бессознательном, когда она сама становится матерью. Так мать передает ребенку одновременно желание и запрет (Курню-Жанэн, 2017). Материнское послание выражается в том, что девочка любима, соблазняема и может быть сама соблазняющей в качестве дочери, но при этом ее генитальное отвергает, должно безмолвствовать, нет участия пола.

Женский «комплекс мужественности», в основе которого лежит зависть к пенису, может стать серьезной помехой на пути к развитию девочки. Здесь Фрейд опять апеллирует к биологии: «Отвержение женственного может ничем другим не оказаться, как только биологическим фактом, одной из частей великой загадки полов» (Фрейд, 1998, с. 35).

***Фрустрация как основа для смены объекта
в женском Эдиповом комплексе и мазохистской
составляющей женской сексуальности***

Концепцию Фрейда о зависти к пенису разделяют далеко не все авторы, работавшие в рамках психоаналитического направления. Например, Мелани Кляйн (Кляйн, 1997), Эрнест Джонс (Jones, 2014), Карен Хорни (Хорни, 2018), Томас Мюллер называют комплекс кастрации, напротив, вторичным феноменом, следствием конфликта, с которым приходится справляться женственности девочки.

По мнению Моник Курню-Жанэн, контринвестиции вагины матерью усиливают завистью к пенису, за которой стоит желание пенетрации

матери: во избежание конкуренции с матерью, девочка отказывается от своей вагины и склоняется к более безопасному варианту, к зависти к мужскому полу (Курню-Жанэн, 2017). По мнению Курню-Жанэн, кризисный момент наступает, когда через игру с куклой начинается соперничество женщины с женщиной. Исход зависит от качества отношений в предыдущем периоде – от наличия или отсутствия нежности и понимания между матерью и ребенком. При лучшем завершении происходит отказ от части для сохранения целого, однако, когда девочку воспринимают «целиком», «целой», она «может опрокинуть себя в "целое" потери – не быть больше любимой, быть никем» (Курню-Жанэн, 2017, с. 114). Все компромиссы в виде отказов находятся между всё или ничего. Девочка, после вытеснения своего пола, может вплоть до подросткового периода бисексуально соблазнять: девочка, но фаллическая, как мальчик. Инвестированная как целиком фаллическая, она боится пенетрации. В этом случае фантазмы делают возможным развитие бисексуальные идентификации: пенетрировать и быть пенетрированной. За Эдиповым желанием занять место отца, чтобы пенетрировать мать, стоит желание ждать от нее ребенка.

В целом, практически все авторы сходятся в том, что Эдипово развитие девочки определяется сменой объекта, причиной для которой становится фрустрация. Взгляды на причины и характер этой фрустрации у разных авторов несколько различаются:

1. Фрейд говорит о двойном разочаровании, связанном не только с осознанием отсутствия пениса, но и с пониманием того, что этим символом успеха, силы, нарциссической полноты девочку обделила собственная мать. В такой ситуации обращение к отцу как к обладателю пениса может быть обосновано желанием иметь ребенка – своеобразного заместителя фаллического символа силы и превосходства;

2. Джонс и Кляйн утверждают, что фрустрация в женском Эдипе основана на влиянии природных, естественных, инстинктивных женских элементов (Кляйн, 2010). Стремление к овладению пенисом обосновано желанием заполучить его, чтобы реализовать свою главную задачу – сотворить ребенка. В этих концепциях нередко утверждается, что разочарование, обосновывающее Эдипово желание, может проснуться у девочки очень рано и усилиться фрустрацией, связанной с материнской грудью. Зависимость от матери и от ее груди, которая не всегда доступна, невозможность стать грудью, усиливает деструктивные, агрессивные чувства младенца к матери. Рут Мак Брунстик, опираясь на теорию Мелани Кляйн, приходит к выводу: «В противоположность нашим предшествующим идеям, желание (девочки) иметь пенис не заменяется на желание иметь ребенка, ведь последнее предшествует первому в значительной степени» (Мак-Брунстик, 2018). Шассге-Смиржель полагает, что зависть к пенису развивается из желания дифференцироваться и одержать победу над всемогущей матерью, присвоив себе орган, которого у нее нет.

И Х. Дойч и Ш. Радо считали момент осознания девочкой, что у нее нет пениса, поворотным этапом в женском развитии. Дойч утверждала, что открытие и факт отсутствия пениса воспринимается как несчастье, ответственность за которое возлагается иногда на мать, иногда на отца. В конце

концов мастурбация и Эдиповы фантазии начинают восприниматься как причина страшной утраты (Дойч, 2017). У Ш. Радо девочка с открытием пениса теряет удовольствие от мастурбации (*Rado*, 1940). При этом невыносимая боль от открытия отсутствия пениса возбуждает ее сексуально и доставляет удовольствие взамен утраченного удовольствия от мастурбации. С этого момента у нее остается только доступ к удовольствию через страдание. По сути, и Х. Дойч и Ш. Радо говорили здесь о мазохизме у женщин – явлении, которое как до них, так и после вызывало огромное количество споров и разногласий.

Смена объекта и идеализация отца

Смена объекта описывается в большинстве психоаналитических работ, посвященных женственности и развитию Эдипова комплекса у девочек. Какой бы ни была ее причина, речь всегда идет об идеализации отца и пениса, следующей за разочарованием, обидой по отношению к матери. Отец идеализируется с целью нивелировать недостатки предыдущего объекта – матери. Последней же присваиваются отрицательные, плохие черты, и такое отношение может поддерживаться достаточно долго. Подобное противоречие необходимо, чтобы смена объекта в принципе имела место. По мнению Жанин Шассге-Смиржель, этот процесс ложится на психосексуальную судьбу ребенка женского пола «тяжелым грузом» (Шассге-Смиржель, 2005, с. 406).

Сопутствует процессу и идентификация с родителем своего пола, то есть с тем объектом, который обладает отрицательными чертами.

Такая ситуация, в свою очередь, вынуждает девочку вытеснить агрессивные стремления. В результате формируется особое, женское чувство вины, реализующее садистически-анальную составляющую женской сексуальности. Это нечто диаметрально противоположное идеализации отца и его пениса, побочный эффект чрезмерного «осветления» отцовского образа.

В лучшем случае фрустрации в отношениях между матерью и дочерью будут дозированными, возрастающими плавно и постепенно. Отец же окажется носителем достаточного количества положительных черт. В такой ситуации идентификация девочки с матерью, смена объекта и идеализация отца пройдут наиболее безболезненно и бесконфликтно. В результате, женская психосексуальность девочки сможет развиваться в благоприятных, здоровых, комфортных условиях.

Однако Жанин Шассге-Смиржель отмечает, что подобная ситуация наблюдается далеко не во всех семьях. Материнские фрустрации нередко оказываются плохо дозированными. А отец не обладает реальными чертами и свойствами, которых было бы достаточно для реалистичной проекции на него позитивных качеств, хотя он и остается тем единственным образом, к которому девочка может прибегнуть для разрешения внутреннего конфликта. Это может создать предпосылки для развития психозов, перверсий и расстройств характера, в том числе проблем со «становлением и укреплением женственности в ее наиболее «здоровом» варианте» (Шаффер, 2016, с. 102).

Трансформации женского тела в подростковом возрасте

По мнению З. Фрейда, одним из наиболее впечатляющих открытий для девочки в подростковом возрасте является осознание наличия вагины и рост груди. Открытие эротической вагины, осознание наличия собственного полового органа становится причиной серьезных переживаний, хотя ее полноценную эрогенность девочка может познать лишь в сексуальных отношениях, которые принесут ей наслаждение.

Комплекс кастрации заменяется интересом к процессу интимной близости с представителями противоположного пола. Как отмечает Динора Пайнз, неожиданное осознание телесности постоянно толкает на то, чтобы испробовать ее, чтобы доказать свою ценность через внешнюю привлекательность или испытывать возбуждение от фантазий, что другие признают твоё тело источником удовольствия. По ее мнению, важным фактом является то, что «телом пользуются для защитного отщепления и обхода мыслительного процесса (то есть происходит подмена обдумывания телесными ощущениями, будь то агрессия или удовольствие) или даже как средством избежать депрессии или вины» (Пайнз, 2016, с. 74). В особо тяжелых случаях происходит фактически расщепление различных аспектов образа Я, напоминая даже симптомы деперсонализации.

Растущая грудь, помимо прочего, делает девочку еще больше похожей на первичный объект своих переживаний – мать, наделенную негативными чертами в ходе смены объекта Эдипова комплекса. По мнению Моник Курню-Жанэн, «преемственность женского» – непростой момент, т.к. идентификация у девочки происходит не только с женским матери, но и с ее бисексуальностью – с ее идентификацией с отцом (Курню-Жанэн, 2017). Дочь в этом случае идентифицируется также с женской компонентой отца, что оказывается крайне полезным в тех случаях, когда у матери присутствует недостаток этой женской компоненты.

Развитие женской сексуальности

Взгляды разных авторов на женскую сексуальность и психосексуальное развитие детей женского пола достаточно сильно разнятся.

Некоторые психоаналитики говорят о слабой либидинозной энергии женщин и частых случаях женской фригидности, не имеющей аналогий у мужчин, даже о давлении бисексуальности у женщин.

Многие психологи отмечают и стремление девочек и даже взрослых женщин к идеализации сексуальности, которое также является исключительно женской чертой.

З. Фрейд утверждал, что сексуальный инстинкт неизбежно включает в себя некий «садистический элемент» (Фрейд, 2010, с. 18). Именно он вынуждает человека стремиться к овладению объектом сексуального вожделения, зачатую и рождению потомков. В некотором смысле этот инстинкт господства Фрейд отождествлял с инстинктом смерти и разрушительным

инстинктом. Здесь встает вопрос о сексуальности женщины и ее роли в подобном стремлении.

Ж. Ламбль де Гроот утверждала, что представительницам женского пола свойственно игнорировать свою активность в сексуальности, проявляя ее лишь в материнстве. Автор даже заявляла, что достойное материнство неизбежно сопряжено с фригидностью (*Lampl de Groot, 1933*). Однако никаких экспериментальных, объективных подтверждений своей теории Ж. Ламбль де Гроот не приводила.

Хелен Дойч говорила о чисто женском типе активности, направленной внутрь, связывая ее с «особенностями функционирования женских половых органов» (Дойч, 2017, с. 15). Впрочем, она же в 1961 году, выступая на симпозиуме, посвященном фригидности, говорила о наличии кульминации оргазма только у мужчин, обуславливая это присущей им активностью сфинктерного типа.

Очевидно, отведение женской сексуальности исключительно пассивной роли, а мужской – активной, было бы самым простым решением в данной ситуации. Однако такой шаг был бы излишне категоричным и потому далеким от реальности.

Поэтому вопрос женской сексуальности, в том числе смежных тематик фригидности и материнства, по-прежнему остается открытым. Авторы сходятся лишь в наличии очевидных различий между развитием и проявлениями сексуальности у женщин и мужчин, что можно отнести к вопросу о естественной женственности.

Жаклин Шаффер считает неизменной составляющей женской сексуальности эротический мазохизм (Шаффер, 2016). При этом эротический мазохизм вовсе не предполагает отыгрывание пассивной роли и не имеет никакого отношения к садомазохистическим наклонностям. Речь идет именно об эротическом мазохизме как способности полностью отдаваться либидинальному возбуждению и позволять сексуальному объекту обладать собой, что обеспечивает здоровое сексуальное влечение и наслаждение у представительниц женского пола. В некоторой степени он свойствен и мужчинам, однако страх кастрации и большие способности к активной позиции позволяют им снижать количество необходимого мазохизма эротического плана.

Женский эротический мазохизм нередко проявляется в фантазиях об изнасиловании, свойственных девочкам подросткового возраста (тогда как мальчики в этом возрасте фантазируют о наличии большого количества сексуальных партнеров, своеобразном гареме). Примечательно, что если повзрослевшая и половозрелая женщина не находит того, кто может стать объектом ее мазохистских эротических фантазий, то она вполне может перейти к мазохизму моральному.

Женский мазохизм – биологический или социально-культурный феномен?

Термин «женский мазохизм» впервые был употреблен З. Фрейдом в работе «Экономическая проблема мазохизма». Несмотря на то, что, согласно

Фрейду, женский мазохизм – выражение женской сущности, он относил это понятие как свойственное мужчинам.

«В новом цикле по введению в психоанализ» (1933 г.) Фрейд отметил, что появлению у женщины сильных мазохистских побуждений способствуют как ее конституциональные особенности, так и факт подавления агрессии и направления ее вовнутрь в соответствии с требованиями социума. На основании этого Фрейд сделал вывод, что мазохизм – «поистине женское извращение» (Фрейд, 2009, с. 283).

Идеи Фрейда в дальнейшем нашли отражение и в работах других психоаналитиков. Прежде всего стоит отметить Х. Дойч – в статье «Женский мазохизм и его отношение к фригидности» она говорила о роли биологической природы, а именно, «генетических факторов» (*Deutsch, 1930, с. 52*), ведущих к мазохизму у женщин, т.е. женщина по своей природе мазохистична. Ш. Радо в работе «Страх кастрации у женщины» тоже говорил об этом генетическом факторе, но при этом его мысли о мазохизме подводили к идее о патологичности жизни женщин в целом (*Rado, 1933*). Если говорить о психоаналитическом понимании женского мазохизма, то выражалось оно в следующем: женщина в сексуальной жизни и материнстве ищет мазохистское удовлетворение; в ранних фантазиях девочки есть стремление быть избитой (кастрированной) отцом; в половом акте женщина бессознательно также желает быть подвергнутой жестокому обращению и насилию.

В 1933 году К. Хорни в докладе «Проблема женского мазохизма» поднимала вопрос о соотношении роли биологических и культурных факторов в возникновении феномена мазохизма и о необходимости пересмотра психоаналитических взглядов на природу женского мазохизма (Хорни, 1933). В целом вывод К. Хорни сводился к следующему: «Проблема женского мазохизма не может быть отнесена только к особенностям анатомических, психологических и психических характеристик женщины, но должна рассматриваться как во многом обусловленная культурой или социальной средой, в которой развивалась конкретная женщина-мазохистка» (Хорни, 1933, с. 6).

Поднятые З. Фрейдом вопросы, касающиеся женского мазохизма, до сих пор остаются дискуссионными. Можно заметить, однако, что в фокусе работ современных психоаналитиков мазохизм рассматривается прежде всего как перверсия, отталкиваясь от которой проще подходить к здоровой способности жертвовать собой за других или за идеал.

В частности, Отто Кернберг отмечает, что мазохизм, как и все сексуальные перверсии, чаще встречается у мужчин (Кернберг, 2017). По наблюдениям Кернберга между мужскими и женскими мазохистскими фантазиями и проявлениями есть, конечно, сходство, но все же больше отличий. В частности, Баумайстер отмечает, что в мужском мазохизме больший акцент ставится на унижении, неверности сексуального партнера, участии публики, и он сопряжен с большей болью и страданием. Женский мазохизм связан с болью меньшей силы, с наказанием в интимных отношениях, сексуальных действий как унижения и с пассивными зрителями. Кульминации мужской мазохизм достигает в виде оргазма вне

генитального акта, а женский – в генитальном сексе и не всегда завершается оргазмом.

Это явление объясняется следующим образом: можно предположить, что большая частота сексуальных перверсий у мужчин связана с большей интенсивностью кастрационной тревоги, связанных с агрессивными аспектами Эдипова конфликта. У женщин, по словам МакДугалл, кастрационная тревога носит более примитивный и диффузный характер. Она обратила внимание на страх общей телесной деструкции у женщин как главный фактор, объясняющий их различные защитные механизмы от кастрационной тревоги (McDougall, 1970).

Шассге-Смиржель рассматривала перверсии у пограничных пациентов как объединение доэдиповой агрессии с кастрационной тревогой, возникающей из Эдиповых конфликтов (Шассге-Смиржель, 2017). Согласно Шассге-Смиржель, в основе фантазий мужчин о доминирующей могущественной женщине лежит фантазия маленького мальчика о связи с сильной и подавляющей матерью, эти же фантазии включают в себя искупление вины за свои фантазии о способности ее удовлетворить своим маленьким пенисом и за Эдипово преступление. В случае женщин, фантазии о могущественном, угрожающем и при этом соблазняющем отце соединяются с искуплением вины через сексуальное унижение и принуждение. У женщин мазохистский сценарий также может нести следы мазохистических отношений с матерью. Как у мужчин, и так и у женщин можно наблюдать привлекающий их, дразнящий характер фрустрирующих сексуальных взаимоотношений, которые восходят к эротизированным отношениям с первичным объектом.

Кернберг, приписывая мазохизм как перверсию больше мужчинам, говорит о том, что в отношении морального мазохизма не наблюдается такого гендерного перевеса. Здесь он солидарен с мнением Хорни о большой роли социально-культурных и психодинамических факторов: «Мне кажется разумным предположение о том, что патерналистская культура стимулирует характерологический мазохизм у женщин и садистические компоненты сексуальности у мужчин, но укрепляя его трансформацию в характерологические паттерны у женщин» (Кернберг, 2017, с. 172).

Отказ от женского

В продолжение темы женственности, ее развития и становления, связанных с ней проблемах с точки зрения психоаналитической теории, остановимся подробнее на вопросе отказа от женского. На этот счет единого мнения также нет, однако Жаклин Шаффер (Schaeffer, 2015) выделяет три основные гипотезы, описывающие точки зрения подавляющего большинства психоаналитиков на данный вопрос. Рассмотрим каждую из них.

Разница полов

Первая гипотеза фокусируется на трех парах противоположностей, раскрывающихся по мере психосексуального развития человека. На анально-садистической стадии речь идет о пассивном-активном,

на фаллической – о фаллическом-кастрированном и лишь на генитальной стадии – о мужском-женском. Разница полов формируется именно за счет третьей пары противоположностей, причем по мере исследования этого вопроса З. Фрейд ввел на ее основании еще и четвертую пару: это бисексуальность, которой противопоставляется отказ от женского.

Последняя пара направлена на отрицание разницы полов: с одной стороны, женский генитальный орган таинствен, скрыт и является для мужчин страшным напоминанием кастрированного органа, но в то же время это отверстие, источник наслаждения, вызывает тревогу, как у мужчин, так и у женщин. С другой стороны, психическая бисексуальность играет ключевую роль в разрешении вопроса идентификации, в то время как активная бисексуальность – защита против разницы полов на уровне сексуальных генитальных отношений. Как отметила Жаклин Шаффер: «Обе полярности успокаивают Я "требованием работы" в постоянном противостоянии потоку сексуального влечения» (*Schaeffer, 2015, p. 2*).

По сути, многие психоаналитики сходятся в том, что для осознания разницы полов на уровне психического аппарата недостаточно, например, телесных изменений, происходящих в подростковом возрасте. Понимание наличия женских гениталий, принципиально отличающихся от мужских, чаще всего требует времени и опыта, нередко – сексуального, включающего в себя эротическое наслаждение. Одного лишь влечения и возбуждения для этого недостаточно, это сложный и глубокий процесс, который может в итоге привести к отделению женственного «Я» от «Оно».

В этом контексте большую роль играют отношения между девушкой и ее матерью. Это переживание эдипального конфликта, архаичные женские модели матери, бабушки и других родственников того же пола, чувство соперничества, а также подсознательные мысли о возвращении в материнскую утробу, в случае с девочкой имеющие значение не только инцеста, но и воссоединения с родителем своего пола. Все это тревожит ум девочки до момента подлинного осознания наличия вагины, то есть до того момента, когда любовник станет причиной ее отделения от матери. Тут можно вспомнить и эротический мазохизм, к которому склонно большинство женщин: от подчинения родителю своего пола девушка переходит к подчинению своему любовнику.

Психическая бисексуальность, как один из полюсов четвертой пары противоположностей, может быть основана на пережитом ранее конфликте Эдипова комплекса, равно как и выступать в качестве своеобразного средства защиты против разницы полов. Вторая составляющая этой пары – отказ от женского – связана с опасениями, вызванными женским половым органом. Он таинствен, в корне отличен от пениса, в некоторой степени невидим из-за того, что физиологически представляет собой отверстие в женском теле, и в то же время он является местом сосредоточения либидинальных флюидов. Все это может вызывать тревогу у представителей обоих полов.

Постоянный натиск сексуального влечения

Вторая гипотеза, которую приводит Жаклин Шаффер в контексте отказа от женского, связана с сексуальным влечением, точнее, с его постоянным «натиском» (Лакан, 2004, с. 243). Подоплека этой гипотезы основана на классической теории влечений З. Фрейда: внутреннее возбуждение выходит за пределы телесного источника, стремится к цели, которая принесет удовлетворение, наполняется психическим и приобретает характер влечения. Если же возбуждение не превращается во влечение, либо влечение регрессирует в возбуждение, то развиваются аддиктивные патологии, психосоматические расстройства и тенденции к отыгрыванию.

При этом либидо, влечение сексуального характера, характеризуется постоянным натиском. Вследствие этого возникает конфликт между «Я», пытающимся сдерживать этот натиск, и «Оно», заставляющим «Я» чувствовать себя некомфортно, ощущать, будто у него нет права выбора.

Именно постоянное давление внушительного количества либидо, обуславливающее женское сексуальное, и побудило Фрейда ввести понятие отказа от женского в контексте отказа от гомосексуальной пассивности или желания пениса. Близкими к этой теме являются предположения о «кормящем взламывании» (Schaeffer, 2015, p. 7) «Я» возбуждением, допущенным в него без травматичного чувства нарушения его целостности.

Можно предположить, что в контексте этой гипотезы отказ от женского обусловлен определенным стремлением к установлению более жесткого контроля над своим «Оно» и желанием ощущать комфортное, безопасное и устойчивое «Я».

Эротическое генитальное женское

Третья гипотеза рассматривает сексуальность обоих полов в контексте тревоги генитального проникновения и прегенитальной защиты. Эти тенденции могут в той или иной степени присутствовать и у мужчин, и у женщин. Однако в случае с представителями сильного пола речь идет о гомосексуальной тревоге проникновения, а в случае с женщинами – о допустимости проникновения в вагину только либидинального пениса.

При этом отказ от женского в крайней степени в таком контексте может означать полное подавление влечений и защиту гениталий от какого-либо проникновения вне зависимости от его характера и физиологической обоснованности, что становится причиной фригидности. Эта гипотеза также подчеркивает, что эротическое генитальное женское рождается именно в сексуальной связи, сопряженной с наслаждением.

В современном мире, с его стремительно меняющимися правилами игры, можно увидеть явную тенденцию к обострению анальных защит, тревогу дефаллосизации, тягу к зависимостям – это, безусловно, отражается на женской сексуальности, блокируя женское, отправляя женщину в ее детскую травму: к переживаниям отсутствия пола или отрицанию женского пола. В результате женщина прибегает к фаллической организации, чтобы быть способной как-то принять разницу полов и пережить кастрационную тревогу.

В контексте вышесказанного довольно значимым представляется просветительская деятельность, посвященная женственности и женской сексуальности, поскольку общественные стереотипы, популярные заблуждения и современные реалии в целом способствуют углублению связанных с ними проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Д.* Ненависть в контрпереносе / Романов И. // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.). СПб.: Академический проект, 2005. 576 с.
2. *Дойч Х.* Психоанализ сексуальных функций женщин / ред. и автор комм. Пол Розен. М.: АО «Т8 Издательские Технологии», 2017. 135 с.
3. *Захер-Мазох Л.* Венера в мехах. М.: Азбука, 2011. 224 с.
4. *Калишед Д.* Внутренний мир травмы. Архетипические защиты личностного духа. СПб.: Академический проект, 2007. 368 с.
5. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 365 с.
6. *Кернберг О.* Отношения любви. Норма и патология. М.: Независимая фирма «Класс», 2017. 251 с.
7. *Кляйн М.* Детский психоанализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. 160 с.
8. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / пер. А.Ф. Усков. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/107984/KLYaYN_-_Zavist_i_blagodarnost.html (дата обращения: 20.03.2018).
9. *Курню-Жанэн М.* Шкатулка и ее секрет / под ред. Качалов П.В., Россохин А.В. // Уроки французского психоанализа. М.: Когито - Центр, 2017. 559 с.
10. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Логос-Гнозис, 2004. 304 с.
11. *Мантегацца П.* Физиология наслаждений. М.: Профит Стайл, 2012. 480 с.
12. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016. 206 с.
13. *Райх В.* Анализ личности. М.: Ювента, 1999. 333 с.
14. *Рихард Фон Крафт-Эбинг.* Преступления любви. Половая психопатия. М.: Алгоритм, 2017. 624 с.
15. *Розенберг Б.* Мазохизм жизни и мазохизм смерти. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.
16. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: Азбука – классика, 2009. 416 с.
17. *Фрейд З.* Конечный и бесконечный анализ. М.: МГ Менеджмент, 1998. 224 с.
18. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. Харьков: Фолио, 2010. 288 с.

19. *Фрейд З.* Ребенка бьют [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/60734/Freiid_-_Rebenka_b%27yut_-_k_voprosu_o_proishozhdenii_seksual%27nyh_izvrashcheniii.html (дата обращения: 14.04.2018).
20. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности. М.: Азбука-Классика, 2010. 256 с.
21. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=195746> (дата обращения: 14.04.2018).
22. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: Азбука, 2015. 288 с.
23. *Хорни К.* О происхождении комплекса кастрации у женщин. Доклад на VII Международном Психоаналитическом Конгрессе Берлин, сентябрь 1922 / *Int. J. Psycho - Anal*, V, Part 1 (1924). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_01.html (дата обращения: 02.05.2018).
24. *Хорни К.* Проблема женского мазохизма. По докладу, представленному на заседании Американской Психоаналитической Ассоциации (Вашингтон, 1933). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_13.html (дата обращения: 02.05.2018).
25. *Хорни К.* Уход от женственности (Комплекс маскулинности у женщин глазами мужчин и женщин) / *Int. J. Psycho-Anal.*, VII (1926). [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/horney/gp/gp_02.html (дата обращения: 02.05.2018).
26. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского Эдипова комплекса / под ред. А. Жибо, А.В. Россохина // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. 385–425 с.
27. *Шассге-Смиржель Ж.* Новое женоненавистничество / под ред. Качалов П.В., Россохин А.В. // Уроки французского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2017. 559 с.
28. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / пер. Коротецкая А.И. (2016). [Электронный ресурс]. URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения: 04.05.2018).
29. *Bak R.C.* The phallic woman *Psychoanal. The Psychoanalytic Study of the Child*. P. 37–46. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00797308.1968.11822947> (дата обращения: 27.04.2018).
30. *Bergler E.* Principles of Self-Damage // *Intl Universities Pr Inc*, 1992. P. 469.
31. *Deutsch H.* Significance of Masochism in the Mental Life of Women / *International Journal of Psychoanalyses*. Vol. 11, 1930. P. 48–60. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scribd.com/document/38635843/Deutsch-Helene-Significance-of-Masochism-in-the-Mental-Life-of-Women-International-Journal-of-Psychoanalysis-Vol-11-1930-48-60> (дата обращения: 05.05.2018).
32. *Green A.* Life narcissism, death narcissism. London: Free Association Books, 2001. P. 280.
33. *Grossman W.* Notes on masochism: A discussion of the history and development of a psychoanalytic concept 1 – *Psychoanalytic Quarterly* 55, 1986. P. 379–413.

34. *Hanly M.* Essential Papers on Masochism. New York and London: New York University Press, 1995. P. 368.
35. *Jones E.* Die erste Entwicklung der weiblichen Sexualität. Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 1927 / Women and Creativity. A Psychoanalytic Glimpse Through Art, Literature and Social Structure // ed. Tognoli Pasquali L, Thomson-Salo F. – London: Karnac Books Ltd, 2014. P. 322.
36. *Lampl de Groot J.* Problems of Femininity // Psychoanalytical Quarterly. Vol. 2, 1933. P. 489–518. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21674086.1933.11925188> (дата обращения: 05.05.2018).
37. *Loewenstein R.* A contribution to the psychoanalytic theory of masochism, J.Amer. Psychoanal. Assn 5, 1957. P. 197–234.
38. *Mack-Brunswick R.* The Pre-oedipal Phase of the Libido Development (1940) / Female Sexuality. New Psychoanalytic Views. New York: Routledge, 2018. P. 230.
39. *Maleson F.* The multiple meanings of masochism psychoanalytic discourse // Journal of the American Psychoanalytic Association 35, 1984. P.325–356.
40. *McDougall J.* Homosexuality in women. In Female Sexuality // ed.1. Chasseguet-Smirgel. Ann Arbor – University of Michigan Press, 1970. P. 171–212.
41. *Nacht S.* Le masochisme – Payot, 1965. P. 217.
42. *Novick K.K., Novick J.* The essence of masochism. Psychoanalytic Study of the Child 42 – New Haven, Yale University Press, 1987. P. 353–384.
43. *Paullini C.F.* Flagellum salutis // 1 Aufl., 1698.
44. *Rado S.* A critical examination of the concept of bisexuality / Psychosomatic Medicine 2, 1940. P. 459–467. [Электронный ресурс]. URL: https://journals.lww.com/psychosomaticmedicine/Citation/1940/10000/A_Critical_Examination_of_the_Concept_of.7.aspx (дата обращения: 04.05.2018).
45. *Rado S.* Fear of castration in women. The Psychoanalytic Quarterly, 2, 1933. P. 425–475. [Электронный ресурс]. URL: <http://psycnet.apa.org/record/1934-03102-001> (дата обращения: 05.05.2018).
46. *Schaeffer J.* Feminin et refus de feminine [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy-luxeuil.fr/2015/02/feminin-et-refus-du-feminin-par-jacqueline-schaeffer.html> (дата обращения: 04.05.2018).

Masochism and rejection of feminine

T.V. Aisina

Aisina Tamara, Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist, Clinical Psychologist.

This work is dedicated to the psychoanalytic perspective on masochism, including the feminine masochism, which is a part of female sexuality. It also addresses the rejection of femininity.

We examined the theoretical works of psychoanalysts devoted to the issue of masochism and to the psychosexual development of women, we also identified the most thoughtful concepts of rejection of femininity out of all currently known and created the main guidelines for further investigation of psychoanalytic theories of masochism and rejection of femininity.

These issues are not only an important part of the whole psychoanalytic view of the individual, but are extremely important for the psychoanalytic understanding of modern man. Therefore studies on this issue can be useful not only in the context of scientific psychology, but also for a psychoanalytical or psychotherapeutic practice.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytic, masochism, female, female sexuality, rejection of femininity, psychosexual development.